

И. Ф. Кефели¹

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ РЕСУРС СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГЛОБАЛЬНОМ ВЕКЕ

Советская культура как социальное явление недавнего прошлого с позиций современного исследователя уже не вызывает ни огульного охаивания, ни безудержной идеализации. Творцами зарождающейся советской культуры во всех ее проявлениях были рабочие, крестьяне, научная и творческая интеллигенция (даже находящаяся в эмиграции) царской России, представители многих наций и народностей, которые уже во второй половине XX века образовали единый советский народ как новую социальную общность. Именно по-

¹ Заведующий кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 180 научных работ, в т. ч.: «Культурология. Основы теории и истории культуры», (отв. ред., соавт.), «Судьба России в глобальной геополитике», «Философия геополитики», «Геополитика Евразии», «Глобальная геополитика», «Геополитика Евразийского Союза: от идеи к глобальному проекту», «Л. Н. Гумилев: pro et contra» (науч. ред., сост.) и др. Главный редактор журнала «Геополитика и безопасность».

этому подход, ставящий в центр исследования культурной истории человека, личность создателя нового общества, должен быть, очевидно, исходным ценностным критерием при оценке всех сторон советской культуры. По-моему, пришло время сугубо научного, объективного осмысления деятельности советского народа как новой полиэтнической общности с присущими ей социокультурной спецификой, идеологией, ментальностью, стереотипами поведения, духовными ценностями. Еще 16 октября 1918 года было опубликовано обращение «От Государственной комиссии по просвещению», в котором, в частности, провозглашалось: «Высшей ценностью и в социалистической культуре останется личность. Но эта личность может развернуть со всей возможной роскошью свои задатки только в гармоничном и солидарном обществе равных»². Дальнейший ход истории показал, что эти во многом жизнеутверждающие слова воплотились в реальную

² Народное образование в СССР : сб. док. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 141.

жизнь советского народа в ходе культурной революции. В современной отечественной культуре, которую вряд ли можно назвать единой многонациональной культурой, произошло достаточно четкое размежевание линий ее развития. Одна из них, получившая либерально-западную ориентацию, импульсивная и непоследовательная, эклектичная и поверхностная, спекулируя на стереотипе «все советское — плохое», выражает стремление явных и неявных околокультурных деятелей разрушить строй русского национального самосознания. Более того, разрушить «связь времен» отечественной культурной истории, веками обогащавшейся национальными культурами, и свергнуть новые поколения соотечественников в лоно мировой (читай: западной) цивилизации. Другая линия определяет сердцем выстраданную борьбу за сохранение идеалов справедливости, героизма, добрых чувств, оптимизма, которые были присущи отечественным национальным культурам и воплотились в том советском патриотизме, который утверждался многими деятелями культуры. Лишь следуя этой линии, можно усматривать новизну и преимущество советской культуры в том, что она утверждала общечеловеческий нравственный и исторический смысл всего советского строительства как наиболее прогрессивного, а типического героя советского искусства — как человека высокой идеи и гуманного поступка, раскрывающегося через исторические деяния своего народа.

История распорядилась так, что послереволюционная Россия была детищем культурного творчества народных масс. В недрах учения о социалистической революции получали развитие представления о творчестве масс как истинном искусстве (А. М. Горький). Сама революционная эпоха зывала к утверждению реализма как ключевого метода осмысления и выражения самой себя. И делом культурной жизни, согласно А. В. Луначарскому, были «единый культурный поток», «единый социальный прогресс», «общая культурная картина». Так, различное толкование творчества (индивидуального либо массового) привело к признанию в России двух культур — буржуазной и пролетарской (как переходной, предваряющей развитие коллективистской культуры). Социалистическая революция в России развела по обе стороны баррикады культуры советскую и русского зарубежья. И если вторая, возвращенная нам сегодня, в своих первоисточниках представляет необычайно широкую и пеструю палитру образов, мнений, идей о судьбах России, то первая воплотилась в реальную жизнь поколений советских людей со всеми ее грандиозными достижениями и неизбежными потерями.

В данном случае хотелось бы напомнить суждения И. В. Кондакова, автора довольно содержательной, но явно тенденциозной книги, посвященной истории отечественной культуры и опубликованной еще в 1994 году в качестве учебника для вузов под названием «Введение в историю русской культуры». Тогда автор заявлял, что Россия дважды стояла перед выбором: *революция* или *культура*. В 1907 году история остановила свой выбор на «точке развития культуры». В октябре 1917 года история выбрала «точку зрения жизни»,

предпочтя творчеству культуры историческое творчество, «живое творчество масс». Социалистическая революция, по Кондакову, произошла из-за дефектности, «образного компонента русской культуры», постоянной и нередко ожесточенной борьбы «между логикопонятийным, формальным мышлением и образно-ассоциативным, во многом интуитивным мышлением в русской культуре второй половины XIX — начала XX века». Бездоказательно автор утверждает, что культура русского зарубежья «как единая и целостная система... выстраивалась в последовательном противопоставлении русско-советской культуре: как истинное — ложному, национальное — вненациональному, духовное — бездуховному и т. п.». Советская культура признается автором не иначе как тоталитарная, порожденная тоталитарным типом цивилизации, «застрявшим» между восточным и западным типами и теперь все же идущим к западному, либерально-демократическому типу цивилизации как наиболее предпочтительному варианту мирового развития¹.

Примечательно, что уже в 2011 году, то есть спустя почти 20 лет, этот же автор в очередной своей работе «Вместо Пушкина. Этюды о русском постмодернизме» высказал сентенции иного порядка: «Сегодня явно наступает время для того, чтобы взглянуть “без гнева и пристрастия” на культуру советской эпохи и увидеть в ней не одни лишь политическую демагогию и фальшь... В советской эпохе были не одни лишь литературные и художественные однодневки... но и тот “сухой остаток” культурного наследия, который и в XXI веке, и в последующие, нам неведомые столетия будет определять культурно-историческое значение советской литературы и искусства как таковых». Что же усматривает Кондаков в «сухом остатке» советского культурного наследия, «нашего советского всё»? «Основной феномена, в целом называемого “советской литературой”... — заявляет он, — были все-таки простейшие идеи — коммунистическое православие и советское самодержавие, сильно смахивающие на те, дореволюционные, “уваровские”...»

И это, скажете вы, всё, что оказалось в “сухом остатке”?

Увы, всё².

Что из всего богатства нашей культуры взять на вооружение для сохранения русской, советской, российской цивилизации? Каков субстрат цивилизационного ядра России? Каков геополитический статус России? Что и как может ответить России на глобальные вызовы современности? Ответы на эти вопросы следует искать, опираясь на четкую научную методологию и ясное мировоззрение. В современной постмодернистской ситуации, очевидно, неправомерно будет утверждать главенство какого-либо одного метода, подхода к анализу обозначенных выше проблем. Думается, правомерно будет утверждать необходимость совместного включения в методологию трех подходов — *цивилизационного, геополитического и глобального*. Все

¹ Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М., 1994. С. 191, 364.

² Кондаков И. В. Вместо Пушкина. Этюды о русском постмодернизме. М., 2011. С. 163–164, 167.

они тесно связаны между собой, хотя каждый из них обладает своей спецификой.

Цивилизационный подход в современных исследованиях обретает особую значимость, поскольку в мировом сообществе на рубеже веков достаточно четко оформились локальные цивилизации (их еще называют гецивилизациями), каждая из которых может быть охарактеризована конкретными параметрами: количество входящих в них государств, площадь и размещение по территории, численность и национальный состав населения, принадлежность к мировым религиям, объем внутреннего валового продукта и др. Данный подход позволяет проследить макродинамику мировых процессов, инициируемых в первую очередь исторически сложившейся культурой, определяемой этническим составом и месторазвитием цивилизации.

Иначе говоря, цивилизационный подход предполагает анализ исторической динамики цивилизации (*диахронический* аспект анализа). Цивилизационный подход включает в себе не только историко-познавательную функцию, но и прогностическую. Однако эта прогностическая функция во всем своем объеме раскрывается

в контексте геополитического подхода, который основан на выявлении содержания и характера взаимоотношений между цивилизациями на определенном этапе исторического развития в соответствии с принципом «вызов–ответ» (*синхронический* аспект анализа), что предполагает формирование сценариев дальнейшего развития цивилизаций.

С полным основанием мы можем утверждать правомерность включения в исследовательский процесс того самого глобального подхода, который, во-первых, объединяет рассмотренные выше цивилизационный и геополитический подходы; во-вторых, ориентирует аналитика на выявление мировых центров силы (актуальных, потенциальных и перспективных); в-третьих, предоставляет возможность составления сценарных проектов блокировки различных гецивилизаций по различным основаниям — экономическим, политическим, территориальным, конфессиональным, социокультурным. Но в любом случае прочность того или иного блока, альянса, союза гецивилизаций в виде полюса силы опирается на историческую память. Для современной России — это в первую очередь память о недавнем советском прошлом.